
Айрини Зохраб*

ДОСТОЕВСКИЙ И ДАРВИН

<...> Пусть откуда угодно произошел человек <...> но зато Бог *вдунул в него дыхание жизни.*

Ф.М. Достоевский (29, II; 85)

Жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм.

Ч. Дарвин. О происхождении видов¹

Дарвин на страницах «Гражданина» во время редакторства Достоевского на фоне цензурных преследований

«Гражданин», еженедельный литературно-политический журнал, никогда не ставил перед собой задачу освещать последние достижения науки, как другие петербургские журналы, например, ежемесячники «Знание», «Дело», «Природа» и даже «Отечественные записки». Тем не менее с января 1873 года, когда редактором этого издания стал Достоевский, в «Гражданине» было опубликовано несколько критических статей об исследованиях ученых и естествоиспытателей. Среди них преобладало имя английского натуралиста

---

* Автор статьи выражает благодарность Инне Пальмер за помощь с переводом.

Jrene Zohrab в русской транскрипции пишется и как Ирэн, и как Айрини (Зохраб) (*ред.*).

Чарльза Дарвина (1809—1882). Достоевский способствовал публикации рецензии на последний русский перевод третьего издания монографии Дарвина «О происхождении видов»². В рецензии освещалась и критика, и защита теории Дарвина другими учеными, такими, как Эрнст Геккель (1834—1919), Германн фон Гельмгольц (1821—1894) и Карл фон Бэр (1792—1876). Учение Дарвина было рассмотрено в соотношении с философией проповедников «новой веры», например, богослова Давида Фридриха Штраусса (1808—1874)³. Имя Дарвина появляется в разнообразии контекстов: от обзоров в разделах «Критика и библиография» и «Русские листки из-за границы» до юмористических ссылок в фельетоне на «Последней страничке», упоминаний в некоторых статьях об образовании, в рубрике «Новые русские книги за три месяца» и даже в «Дневнике писателя» самого редактора Достоевского⁴.

Как столичное периодическое издание, «Гражданин» не подлежал предварительной цензуре, но мог быть подвергнут судебным мерам воздействия, предостережениям и запрещению на неопределенный срок розничной продажи (что и случалось несколько раз во время редакторства Достоевского)⁵. Необходимо отметить, что Достоевский, который всегда соблюдал требования цензуры, все же опубликовал рецензию, несмотря на то, что труды Дарвина и некоторые исследования по естествознанию преследовались и подвергались цензуре (это подтверждается сатирическим «Посланием» о дарвинизме⁶, которое поэт А.К. Толстой написал М.Н. Лонгинову (1823—1875), начальнику Главного управления по делам печати в 1872—1874 гг.). Но Ф.И. Тютчев, председатель Комитета цензуры иностранной (КЦИ) в 1858—1872 гг., способствовал распространению в русском обществе трудов Чарльза Дарвина. В представлении в Главное управление цензуры, подписанном Тютчевым 27 января 1871 г., дается обоснование к заключению КЦИ — допустить публикацию русского перевода «Происхождения человека»: «Новая работа Ч. Дарвина — продолжение замечательного его труда “О происхождении видов”, одобренного ранее цензурой; имя автора уже имеет всемирную известность; его сочинение строго научно по форме; оно переводится и комментируется всеми более или менее серьезными органами печати обоих полушарий»⁷. Однако уже в мае по распоряжению начальника Главного управления по делам печати «выдача публике книги Дарвина была приостановлена»⁸. Согласно Тютчеву, КЦИ запрещались книги, содержащие «отрицание всякой

религии, Бога и т.д.»⁹, хотя КЦИ был далеко не так строг, если книга была предназначена для специалистов-ученых. Существовала также совершенно отдельная цензура — духовная¹⁰.

Эти обстоятельства, вероятно, объясняют тот факт, что в «Гражданине» обсуждались третье издание «О происхождении видов» и споры о дарвинизме, а не новое издание «Происхождения человека», возбудившее беспокойство цензуры¹¹. Наличие цензуры усложняет распознавание личной оценки Достоевским произведений Дарвина. Рецензия в «Гражданине» подтверждает, что Дарвин был одним из самых популярных авторов в России того времени: его главный труд появился в третьем издании, в то же время последнее его сочинение, «Происхождение человека», появилось в трех переводах одновременно. Дарвина читали не только специалисты, но и широкая публика, люди с претензиями на образование и просвещение. Однако и рецензент Н.Н. Страхов, и автор «Дневника писателя» осуждают неправильное понимание и извращение теории Дарвина русской публикой. Страхов предупреждает, что смятение, которое Дарвин вызвал в умах читателей, «невероятно велико» и является одним из самых печальных примеров искажения, какое могла породить наука, когда она прекращает быть предметом точного исследования: «Относительно Дарвина можно сказать, что его не знают и не понимают не только обыкновенные читатели, но и сами ученые, ставшие его последователями»¹².

Достоевский, хотя и признавал Дарвина (с долей иронии) одним из «предводителей европейской прогрессивной мысли», выразил озабоченность «русской стороной его учения», которая состояла в «тех выводах из учений этих в виде несокрушимейших аксиом, которые делаются только в России; в Европе же возможность выводов этих, говорят, даже не подозреваема» (21; 132)¹³. Три года спустя Достоевский выразил подобное же беспокойство, предупреждая, что на западе теория Дарвина является лишь гениальной гипотезой, в то время как в России она давно принята как аксиома (23; 8). В «Братьях Карамазовых» аллюзия к Дарвину высказывается иронически Иваном: «Все современные аксиомы русских мальчиков, все сплошь выведенные из европейских гипотез <...> и не только у мальчиков, но, пожалуй, и у ихних профессоров» (14; 214)¹⁴. Из черновых набросков к роману видно, что Достоевский планировал включить в основной текст разговор о Дарвине между Колей Красоткиным и Алешей. В нем Коля сопос-

тавляет отношение к учению Дарвина с отношением к Богу, размышляя о том, что и та, и другая теория являются «гипотезами» (15; 307). Существуют также три рукописных варианта незавершенного стихотворного фельетона Достоевского «Офицер и нигилистка» (1864—1874), содержащие аллюзии к Дарвину (17; 15—23, 29—32). Конечный вариант был предназначен для «Последней странички», но в «Гражданине» так и не появился.

В рецензии Страхова монография об эволюции человека самого известного дарвиниста Германии Эрнста Геккеля «Ueber die Entstehung und den Stammbaum d. Menschengeschlechts» («Учение об органических формах, основанное на теории превращения видов») процитирована, чтобы продемонстрировать, что даже в его изложении идеи Дарвина приобретают самое извращенное трактование, против которого должен был «жестоко вооружиться сам Дарвин, если бы он был заинтересован в точном смысле своей теории». Страхов подвергает критике интерпретацию Геккеля, который признает наследственность и приспособление «силами природы» и считает питание и размножение чисто механическими процессами: «Но кто же и когда это доказал? Какой физиолог не скажет, что не сделано ни шагу для этого доказательства? И Дарвин, выдумавший для объяснения роста и размножения организмов особую гипотезу *пангенезиса*, не должен ли прямо сказать, что он понимает питание и размножение никак не механически, а скорее чисто органически? ... Дарвин сделал только шаг к устранению понятия *целесообразности* в организмах; он вовсе не проповедовал *слепых, механически действующих сил изменяемости и наследственности*, а только попытался свести чудесное устройство организмов на *случайное приспособление*»¹⁵.

Страхов как бы предвидит то, что многие дарвинисты сегодня никогда не ссылаются на подбор как на чисто механический процесс, а только на принцип или прием подбора¹⁶. Сам Дарвин был высокого мнения о Геккеле, признавая, что последний, кроме своего «превосходного сочинения “Generelle Morphologie” (1866), издал в 1868 и вторым изданием в 1870 свою “Natürliche Schöpfungsgeschichte”, в которой он всесторонне разобрал родословную человека. Если бы эта книга появилась прежде, чем было написано мое сочинение, я, по всей вероятности, не окончил бы его. Почти все выводы, к которым я пришел, подтверждаются Геккелем, и его знания во многих отношениях гораздо полнее моих»¹⁷. Почти все поздние сочинения Геккеля были запрещены в России цензурным комитетом¹⁸.

Страхов отмечает, что нигде в своих монографиях Дарвин не объясняет причин роста и наследственности. И только в предпоследней, XXVII главе своего сочинения «О видоизменениях животных и растений в домашних условиях» он касается факторов роста и наследственности, но не в терминах механики, а посредством гипотезы, основанной на усложнении органических процессов.

Примечательно, что «Гражданин» делится с читателями зорким наблюдением о том, что Дарвин сам не смог объяснить причины этих видоизменений. Согласно другу и коллеге Дарвина, ученому-биологу Альфреду Расселу Уоллису (1822—1913), который сделал открытие в отношении естественного подбора одновременно с Дарвиным, не было необходимости выяснять причины возникновения видоизменений, а достаточно констатировать факт, что они произошли¹⁹. Сегодня общепринято, что для объяснения разнообразия и целесообразности строения организмов не нужно допускать существование извне заданной цели развития. Соразмерная, целенаправленная функциональность не обязательно предусмотрена первоначальным замыслом. Как утверждают последователи Дарвина: «Наличие функции само по себе не доказывает, что эта функция была заложена изначально»²⁰.

Страхов и, косвенно, редактор «Гражданина» как бы соглашались с научными открытиями Дарвина относительно происхождения разнообразия и постепенного развития, сопровождаемого модификацией, но с оговоркой, что некоторые законы природы являются результатом вмешательства свыше. Эта трактовка совпадает с современной теологической концепцией Теистической эволюции, согласно которой Господь присутствует незримо в проявлениях законов природы и только участвует непосредственно в создании души человеческой.

Рецензент подчеркивает, что понять, в чем именно заслуга Дарвина перед наукой, намного труднее, чем кажется на первый взгляд. Его ученики отстаивают не его мнение, а свое собственное, в то время как противники нападают на то, чего он вовсе не утверждал. Чтобы сформулировать вкратце, в чем состоят подлинные идеи Дарвина, рецензент приводит высказывание фон Гельмгольца, немецкого врача и ученого, который стремился понять, что нового внес в науку Дарвин. Согласно Гельмгольцу, теория Дарвина сделала возможным совершенно новое объяснение *органической целесообразности* (organic design): «Эта замечательная и с развитием

науки все более и более раскрывавшаяся целесообразность в строении и отправлениях живых существ была главной причиной, побудившею сравнить жизненные процессы с действиями сознательного и разумного принципа»²¹.

До открытий Дарвина существовало только два объяснения *органической целесообразности* строения, оба они допускали вмешательство высшего разума в ход естественных процессов. Первое объяснение предполагало, что все жизненные процессы управляются постоянно нетленной *жизненной душой*. Второе объяснение было обращено к идее сверхъестественного рационального существа, творческий акт которого произвел каждую существующую разновидность индивидуально: «Теория Дарвина заключает в себе существенно новую плодотворную идею. Она показывает, как целесообразность в строении организмов *может произойти* безо всякого вмешательства внешнего разума, единственно через необходимое действие закона природы, — именно закона наследственности индивидуальных особенностей, — закона давно известного и признанного, но нуждавшегося в более определенном формулировании»²².

Страхов рассматривает теорию Дарвина как гипотезу о том, что целесообразность является результатом накопления случайных изменений, оказавшихся благоприятными для существ, в которых они произошли. Рост и наследственность не объясняются в этой теории, а принимаются как основа, обуславливающая все остальные явления. Дарвин стремится свести сложные и частные органические явления к более простым и более общим — изменчивости и наследственности. Он не пытается выяснить, в чем сущность этих очень простых явлений и даже не знает ни частных, ни общих законов, согласно которым они происходят. Дарвин предполагает, что наследственность и изменчивость не подчиняются никаким законам, что они развиваются спонтанно во всевозможных направлениях и что совершенство и целесообразность являются результатом вымирания форм, неспособных выжить в борьбе за существование. Дарвин ввел в область естествознания идею случайности: «Что же касается до фактов, то они остались те же, как и были — загадочные, бесконечно-таинственные и сложные: объяснить их смысл еще никому не дано, можно только отрицать его — что и сделал Дарвин»²³. «И так вот в чем дело, вот узел вопроса. Главный вес и смысл Дарвиновой теории заключаются в отрица-

нии *целесообразности* организмов, в предположении, что эта целесообразность произошла от накопления *случайных* изменений, оказавшихся выгодными для существ, в которых эти изменения случились. Рост и наследственность не объясняются в этой теории, а *предполагаются* как данные явления, *из которых* нужно объяснить остальные. Дарвин собственно стремится свести сложные и частные органические явления на более простые и общие, на изменяемость и наследственность. Но так как он не знает, в чем состоит сущность этих простейших явлений, и даже не знает каких-нибудь точных и общих законов, по которым они совершаются, то он и не мог сделать этого сведения надлежащим образом, а прибегнул к уловке, состоящей в *отрицании* того, что требуется для объяснения. Дарвин предполагает собственно, что наследственность и изменяемость не следуют *никаким законам*, движутся по *всевозможным* направлениям, и что правильность и целесообразность получаются только от исчезания форм, не могущих выдержать *борьбы за существование*. Вот почему всякий закон, открываемый в явлениях изменчивости и наследственности, ведет к опровержению теории Дарвина. Сила этой теории, вся ее привлекательность для умов заключается именно в предположении *отсутствия законов*, в сведении явлений на игру случайностей»²⁴.

Создается впечатление, что, по мнению Страхова, видоизменения и адаптация должны были происходить целенаправленно, что предполагает наличие запланированной системы, которая, в свою очередь, подразумевает сознательную преднамеренность. Однако, как подчеркнул дарвинист Ричард Докинз: «Сложность процесса адаптации требует специального объяснения: или акт Дизайнера, как проповедовал теолог Палей²⁵, или явление, типа естественного отбора, которое исполняет обязанность дизайнера. В любом случае, адаптивная сложность — вот лучший метод диагностики присутствия жизни»²⁶.

Остальная часть рецензии посвящена исследованиям знаменитого эмбриолога и естествоиспытателя фон Бэра, почетного члена Петербургской Академии наук, который в свое время был одним из самых деятельных членов академии и по поручению правительства предпринял несколько путешествий для исследования России. Рецензируя брошюру фон Бэра «К спору о дарвинизме» (*Zum Streit Über den Darwinismus*), Страхов приводит ссылку фон Бэра на Луи Агассиза (1807—1873), знаменитого шведского естествоис-

пытателя, возглавлявшего Гарвардскую кафедру естественных наук и университетский музей сравнительной зоологии в Америке. Агассиз считался противником теории Дарвина. Согласно Агассизу, дарвинизм есть «целое болото голословных утверждений». Сам фон Бэр, еще до публикаций Дарвина в 1859 г., пришел к выводу, как и Дарвин, что многие различные виды животных произошли от единой прародительской формы, хотя он и не поддерживал некоторые разделы эволюционной теории, особенно по вопросу естественного отбора, считая, что изменение видов объяснялось влиянием на организм окружающей среды²⁷. В рецензируемой брошюре фон Бэр утверждает, что вердикт Агассиза о дарвинизме слишком суровый: «Конечно, это очень жестко; но беда в том, что эта жесткость высказана натуралистом, которого никто не может упрекнуть в неспособности к общим идеям, и который сверх того обладает основательнейшими сведениями в палеонтологии, в истории развития и в сравнительной анатомии, то есть именно в областях науки, наиболее нужных при решении вопроса о филогенетическом развитии животных форм»²⁸.

Согласно Страхову, из брошюры фон Бэра читатель узнает, что тот является оппонентом Дарвина, и этот факт как бы подтверждает цензурному комитету непредвзятость «Гражданина», публиковавшего статьи как приверженцев, так и противников дарвинизма; а также, что все статьи фон Бэра, уже законченные и еще не завершённые, будут напечатаны во втором томе «Reden und Aufsätze» (Речи и статьи).

Страхов объясняет, что фон Бэр, будучи основателем научной эмбриологии и участником того великого движения идей, которое воодушевляло его юность, не в состоянии принять в теории Дарвина роль случайных изменений, «наплыв новых идей, в борьбе с которыми широкие и величавые идеи былого времени обнаружили странное, поражающее бессилие». Сам фон Бэр очень хорошо понимает, в чем заключается «узел Дарвиновой теории, зерно ее силы» — в возникновении целесообразности из случайных частных. Но сам он, согласно Страхову, считает, что целесообразное и соразмеренное никак и никогда не может возникнуть из случайных частных, «но уже с самого начала должно быть мыслимо, как нечто целое, хотя и способное к усовершенствованию»²⁹.

Бэр остроумно иллюстрирует игру случайностей, пересказывая назидательно-сатирическое произведение английского писателя

XVIII века Джонатана Свифта: «Смутно припоминается мне <...>, что я уже когда-то читал или слышал о попытке достигнуть целесообразного и даже глубокомысленного через исключение всего негодного, производимого случайною изменчивостию. <...> В Академии города Лагадо один философ, основываясь на верной мысли, что всякая достижимая для людей истина может быть выражена только словами, написал все слова своего языка во всех их грамматических формах на сторонах кубиков, и выдумал машину, которая не только переворачивала эти кубики, но и ставила их в ряд. После каждого поворота машины, слова, показывавшиеся рядом, прочитывались, и если три или четыре слова имели вместе какой-нибудь смысл, они заносились в книгу, чтобы таким образом достигнуть всевозможной мудрости... Таким образом исключение негодного было тоже механическое и совершалось несравненно быстрее, чем в борьбе за существование. Но чего же достигли этим с течением времен? К сожалению, известий об этом у нас нет. Единственный историк Академии Лагадо есть Гулливер в своих путешествиях к отдаленным народам. <...> Долго принимали этого рассказчика за шутника, так как само собою разумеется, что целесообразное и глубокомысленное никак и никогда не может возникнуть из случайных частных, но уже с самого начала должно быть мыслимо как нечто целое, хотя и способное к усовершенствованию. А вот теперь мы должны признать, что этот философ был глубокий мыслитель, что он предвидел нынешние триумфы науки!»³⁰.

Другая оценка работы Дарвина в «Гражданине» подвергала критике его влияние на сторонников «Новой веры», одним из представителей которой считался протестантский теолог, историк и философ Давид Штраусс, автор сочинений «Жизнь Иисуса» и «Новая и старая вера»³¹. Книги Штраусса весьма часто привлекали внимание цензуры, согласно отчету за 1875 г. председателя С.—Петербургского комитета цензуры иностранной князя Вяземского³². Штраусс применяет учение Дарвина ко всем явлениям общественной жизни, проповедуя новую веру, которая, по его мнению, была несовместима с существованием Бога: «Учение Дарвина появилось как нельзя более кстати, в подкрепление проповедникам новой веры. Оно как будто озарило их новым светом, как будто принесло им ключевой камень, которого не доставало, чтобы замкнуть свод над целую системой. Ухватившись за это учение, многие уже готовы провозгласить, или провозглашают старую веру окончательно разбитую

и уничтоженной. Со всех сторон спешат прилагать начала, выведенные Дарвином, ко всем явлениям общественного быта — и выводят из них такие последствия, о которых может быть не помышлял сам Дарвин. Школа, как нередко случается, забегают вперед учителя и, пожалуй, вскоре провозгласит его самого отсталым»³³.

Анонимный автор «Гражданина» (К. Победоносцев за подписью «В») полагал, однако, что учение Дарвина, «гениального ученого», едва ли оправдывает опасения за целостность веры, которые оно возбудило: «Система Галилея, теория Ньютона, новые открытия в геологии — возбуждали в свое время еще более волнений и опасений; но вера верующих не пострадала от них. То же будет, конечно, и с учением Дарвина. Притом, в настоящее время и его нельзя еще признать утвердившимся в науке, и первый энтузиазм, им возбужденный, начинает ослабевать. В него веруют безусловно только *dii minorum gentium**. Передовые люди науки уже начинают убеждаться в том, что это учение в сущности представляет только гипотезу, более или менее вероятную, но еще не удостоверенную достаточным числом данных; и что положения, выведенные гениальным ученым из многочисленных его наблюдений, в сущности оказываются смелыми и остроумными обобщениями подмеченных им явлений, — еще оставляющими много места недоумениям и сомнениям»³⁴.

«Гражданин» вступает в полемику с теми, кто использовал доктрину Дарвина, чтобы выстроить убедительную философскую систему, которая свидетельствовала бы о правоте нового материализма и полностью исключала присутствие Божественного. Согласно интерпретации Победоносцева, Дарвин допускает, что человечество, без достаточных на то оснований, вознеслось над всеми живыми существами и присвоило себе, телесно и духовно, неприкасаемую позицию во Вселенной, ссылаясь на свою исключительность под покровительством Божественного. Это было «заблуждением и вредным заблуждением» (Победоносцев уверяет, что он якобы перефразирует термины Дарвина в переводе — «пагубная идея» (*pernicious idea*), но таких терминов в тексте Дарвина не существует. — А.З.). Человек, как любое другое животное, был не более, чем продукт последовательного и безграничного развития естественных форм животного мира: «Желающему не трудно вывести отсюда такое заклю-

---

* «Младшие» боги (*лат.*), здесь: второразрядные, второстепенные деятели (*ред.*).

чение, что, *стало быть*, Бога нет, и нет души бессмертной. Далее из учения Дарвинова следует, что все существующие формы живого бытия образовались и все последующие образуются из вековечного и непрестанного движения материи, выводящего из одной формы другую, с новым развитием и с новыми орудиями для потребностей. Желаящему не трудно вывести отсюда такое заключение, что в самой материи заключается творческая сила — именно это вековечное движение; что в нем заключается вся будущность природы и человечества — способная к безграничному прогрессу и совершенствованию, и что затем нет никакой надобности отыскивать еще вне самой материи конечную творческую силу, равно как и Промысел Создателя о вселенной и человеке»³⁵.

Далее следует аргументация в защиту потребности человечества верить в нетленность души как высшей формы человеческого бытия. Если отнять у человека веру в бессмертие, теряют смысл любые моральные ценности и запреты, препятствующие деспотизму и насилию. Вседозволенность будет управлять миром, пронизанным духовной пустотой. Эта идея вскоре будет развернута Достоевским на страницах «Братьев Карамазовых» и прозвучит из уст Ивана. Уничтожение веры в бессмертие души становится лейтмотивом, выраженным в судьбах трех разных персонажей Достоевского (Миусов, Смердяков и Дмитрий), которые связывают это непосредственно с верованиями Ивана: «Он торжественно заявил в споре, что на всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество — не существует вовсе, и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия» (14; 64—65)³⁶.

В больном воображении Ивана происходит его диалог с чертом, в котором последний насмехается над мечтами пылких молодых «новых людей», предлагающих разрушить существующее общество, чтобы построить новое. Черт уверяет Ивана, что ничего не надо разрушать, кроме идеи Бога в человеке: «Раз человечество

отречется поголовно от Бога (а я верю, что этот период — параллель геологическим периодам — совершится), то само собою, без антропофагии падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое» (15; 83).

Таким образом, Достоевский показывает, как могут быть подвергнуты проверке действительностью радикальные теории и гипотезы, развернутые до эсхатологических масштабов³⁷. В особенности те, которые утверждают, что нет никакого Бога и никакой бессмертной души, и которые могут привести к построению общества, где все дозволено и все легально, даже истребление человека человеком. Последующее высказывание «Гражданина» против применения дарвинизма в общественной жизни касается моральных норм, основанных на вере в бессмертие, включая понятие о личности человеческой, о личности, которую нельзя раздавить, «как давят насекомое»: «Каковы бы ни были увлечения нынешнего законодателя, правителя, нынешней власти всякого рода, — над нею все-таки носится безотлучно, хотя и не всегда сознательно, представление о личности человеческой, о такой личности, которую нельзя раздавить, так, как давят насекомое. Это представление имеет корень в вековечном понятии о том, что у каждого человека есть живая душа, единая и бессмертная, следовательно, имеющая *безусловное бытие*, которое не может истребить никакая человеческая сила. Оттого между нами нет такого злодея и насильника, который, посреди всех своих насилий, не озирается бы на попираемую им живую душу с некоторым страхом и почтением. Отнимите это сознание — во что превратится законодательство наше, правительство наше и наша общественная жизнь? Поборники личной свободы человека странно обольщают себя, когда во имя этой свободы присоединяются к возникающему культу человечества»³⁸.

Здесь рецензент, возможно, намекает на произведение самого редактора — роман «Преступление и наказание», в котором показано посягательство на личность человеческую, на живую душу во имя превратно понимаемой личной свободы человека³⁹.

Попытка скомпрометировать Дарвина развернулась на страницах «Гражданина» (без ведома редактора, как выяснится) в ходе обсуждения «приложения дарвинизма к сфере практического законодательства». Во второй части рубрики «Русские листки из-за границы. IX» с подзаголовком «Новая вера и новые браки» опубли-

ликовано продолжение статьи К. Победоносцева⁴⁰. По свидетельству автора, он обнаружил примечательный образец дарвинизма в последнем сборнике лондонского современного обозрения («Contemporary Review». August 1873), в статье Дарвина «О благодетельных для человечества стеснениях брачного союза». Как утверждалось в «Гражданине», «в самом начале статьи Дарвин объясняет, что одна из основных идей христианства — есть идея о личной ответственности каждого человека за свою душу, и о независимости человека, в духовной его сфере, от других людей. Вследствие того предполагается, что человек в праве располагать, на свой ответ, и своим телом. Эта идея и это право должны, по мнению Дарвина, уступить действию нового открытого им закона — его так называемой эволюционной доктрине. Человек в праве располагать своим телом и позволять себе удовлетворение телесных потребностей лишь потолкику, поколику то и другое согласуется с нормальным развитием целой *породы*»⁴¹.

Сначала «Гражданин» соглашается с выводом, якобы, самого Дарвина о том, что из-за распространения безумия, передаваемого родителями детям вследствие наследственной предрасположенности, человеческой породе угрожает безграничное распространение зла, против которого надо принять меры. Однако «Гражданин» решительно отвергает введение строгих ограничений свободы вступления в брак, которые, якобы, предлагает Дарвин: «Необходимо, говорит он, улучшить, укрепить физический организм в породе человеческой; для этой цели мы должны придумать искусственное средство *в замену ослабевшей силы естественного подбора* (natural selection). Только при таком условии возможен прогресс в породе человеческой. *Mens sana in corpore sano* (здоровый дух в здоровом теле. — ред.). *Успехи врачебного искусства служат в этом случае не к общей пользе, а ко вреду*. Нет сомнения, что в массе нашего цивилизованного общества уровень здоровья понизился до тревожных размеров, и что врачебное искусство, *поддерживая слабые организмы, будет только увеличивать зло для будущих поколений*. Необходимо, по мнению Дарвина, *сократить число слабых, вступающих в состязание с сильными в борьбе за существование*»⁴².

С этой целью Дарвин, отмечает критик, предлагает органам законодательства, во-первых, признать решительным поводом для развода наличие у одного из супругов некоторых заболеваний; во-вторых, ввести общую систему медицинского осмотра для обнару-

жения упомянутых заболеваний; в-третьих, установить правило, что никто не может вступить в брак, не предоставив удостоверения о том, что никогда в жизни не страдал припадками безумия. Кроме того, каждый должен еще представить безукоризненную родословную (*untainted pedigree*), то есть доказать, что ни его родители, ни близкие, ни даже дальние родственники никогда не имели подобных припадков... Все это необходимо для того, чтобы в массе человечества умножилась способность к счастью (*saracity for happiness*), с уничтожением главного препятствия, то есть болезни.

Достоевский, безусловно, нисколько не сомневался, что речь идет о Чарльзе Дарвине, авторе работы «О происхождении видов», на самом же деле статья принадлежала перу его сына, Джорджа Дарвина⁴³. Эта статья, автор которой ссылался на выводы евгеники⁴⁴, вызвала бурную полемику в английской периодической прессе⁴⁵. Читатели «Гражданина», как и сам редактор, несомненно, тоже были уверены, что автор статьи — Дарвин-старший, так как нигде не было упомянуто имя Джорджа. В этом, очевидно, заключалась коварная уловка Победоносцева, желавшего дискредитировать Дарвина перед русскими читателями, включая и Достоевского. Победоносцев то и дело повторяет: «по мнению Дарвина», «Дарвин утверждает», «Дарвин имеет в виду», «и вот какие средства предлагает Дарвин» и т.д.

Итак, автор «Гражданина» отвергает предложенные поправки к закону о заключении браков и спрашивает, в чем практический смысл ограничений на вступление в брак с целью продолжения рода, если внебрачное деторождение не поддается контролю? Он также осуждает «дарвинизм» за то, что основным законом бытия здесь является *«охранение сильных и истребление слабых»*. И это самое правило хочет он, по-видимому, возвести в *положительный закон* для гражданского общества».

Автор «Гражданина» ставит под сомнение моральные принципы, лежащие в основе такого законодательства. Он обвиняет *Дарвина* в том, что тот рассматривает сильные и слабые организмы как абстрактные величины, числа, используемые в математических вычислениях. *Дарвин* даже не задает себе вопрос, приведет ли уничтожение слабых к наращиванию мощи сильных, он не имеет никакого желания взглянуть правде в глаза, а именно: оценить реальность, где любая сила нарастает в ходе ее применения и разви-

тия. Сильные будут лишены возможности опробовать и приумножить силу, если исчезнут слабые, нуждающиеся в их помощи и поддержке. Слабые же, в свою очередь, приспособившись к неблагоприятным условиям проживания, могут окрепнуть, стать сильнее и смогут передать эту жизнеспособность следующим поколениям. Наконец, будут ли те сильнейшие, кто выжил в борьбе за существование, в состоянии пополнить арсенал средств для улучшения породы, если их преимущества проявляются чисто механически, за счет слабых?

Дарвин и нравственные ценности

Тот факт, что «Гражданин» уделил Дарвину столько внимания, наводит на мысль, что сам Достоевский интересовался учением Дарвина. Это подтверждается тем, что личная библиотека Достоевского в 1870-е годы содержала иллюстрированные издания двух последних монографий Дарвина: «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» (перевод И. Сеченова, 1871) и «О выражении ощущений у человека и животных» (перевод проф. А. Ковалевского, 1872)⁴⁶. Нет сомнения, что Достоевский читал монографии Дарвина, особенно его обсуждение факторов наследственности, хотя бы только по той причине, что сам Достоевский был озабочен вероятностью унаследования его детьми имеющегося у него недуга эпилепсии⁴⁷.

В «Происхождении человека» разбираются вопрос происхождения от низшей, обезьяноподобной формы и теория «полового подбора». Согласно этой теории, особенности, свойственные самцам, вырабатывающиеся в ходе соперничества и борьбы между ними, способствуя их овладению самками с целью оставить потомство, являются подтверждением теории естественного отбора. Дарвин демонстрирует эволюционное и психологическое сходство человека и животных. Вторая монография анализирует применение теории естественного отбора к выражению эмоций и игры мышц физиономии под влиянием различных ощущений у человека и животных. Из этих книг следует, что в сфере эмоций и психики человека нет ничего нового, а происходит лишь постепенное развитие задатков, уже имеющихся у животных, достигая кульминации в возникновении речи и разума. Возможно, что Достоев-

ского могли заинтересовать некоторые положения теории Дарвина: так называемая интуитивная теория нравственных способностей, возникновение личной добродетели, развитие и передача умственных, нравственных и стойких общественных способностей; борьба между противоположными инстинктами; влияние мнения членов общины на образ действий каждого члена в отдельности и то, что племя, заключающее в себе большое число членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы, должно одержать верх над большинством других племен.

Дарвин показывает, что в ходе восхождения по органической лестнице эволюции у человека развиваются *человеческие* достоинства, такие, как нравственность и совесть, недоступные самым высокоразвитым животным⁴⁸. Хотя человекообразная обезьяна «умеет составить план грабежа сада, знает употребление камней для драки или разбивания орехов», готова помогать другим обезьянам и «на разные лады рисковать за них своею жизнью и заботиться об их сиротах», но она должна была бы признаться, «что бескорыстная любовь ко всем живым существам, благороднейшее свойство человека, далеко выше» ее понятия. В отличие от человека, она еще менее способна «следить за ходом метафизических рассуждений или разрешить математическую задачу, или размышлять о Боге, или восхищаться величавой картиной природы»⁴⁹. Нравственное же сознание человека представляет наилучшее и самое высокое различие между ним и животными; Дарвин старается показать, «что общественные инстинкты, первое основание нравственного склада человека, — с помощью деятельных умственных способностей и влияния привычки естественно ведут к золотому правилу: “как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так поступайте и вы с ними”»; а это составляет основание нравственности»⁵⁰.

В своих «Записных книжках» Дарвин также выражает веру в то, что природа назначена Богом управлять Вселенной («мы созерцаем лицо природы, полное веселости»), и что «великая последняя причина» отбора состоит в выработке нравственных качеств, делающих возможным соблюдение правила о том, что как бы вы хотели «чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», «возлюби ближнего твоего, как самого себя»⁵¹.

Судя по немногим отзывам самого Достоевского о теориях Дарвина, писатель не видел никакой несовместимости между этими

теориями и своей христианской верой. Это засвидетельствовано в его письме к В.А. Алексееву от 7 июня 1876 года. В нем Достоевский пишет: «Ну и что же — пусть откуда угодно произошел человек <...> но зато Бог *вдунул в него дыхание жизни*» (29, II; 85).

Данное представление Достоевского о естественном отборе созвучно с редко цитируемой фразой Дарвина, завершающей главный труд его жизни «О происхождении видов»: «Есть величие в этом воззрении на жизнь с ее различными силами, изначально вложенными Творцом в одну или незначительное число форм <...>; из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм».

Органическое понимание сотворения Вселенной и концепция целостности живого мира и тождества человека с природой, ясно выраженные в речах некоторых персонажей романов Достоевского, не исключают, а даже совпадают с представлением Дарвина о Вселенной. Но для Достоевского, согласно его религиозно-нравственным убеждениям, необходимо утвердить, что «Бог вдунул» в эту Вселенную дыхание жизни, что и выражено в его произведениях посредством авторской оценки.

Согласно Дарвину, все животные и растения произошли от одного общего прототипа: «Все живые существа имеют много общего в их химическом составе, в их клеточном строении, в законах их роста и в их чувствительности по отношению к вредным влияниям»⁵². Самыми важными из всех причин, вызывающих органические изменения, являются «<...> взаимные отношения между организмами, и поэтому улучшение одного организма влечет за собой улучшение или истребление других»⁵³. Так как естественный отбор действует исключительно «в силу и ради блага каждого существа, то все качества, телесные и умственные, склонны развиваться в направлении совершенства»⁵⁴. У Достоевского также ярко выражено стремление представить возможность совершенства или гармонии (и не только как следствие его ранних романтических увлечений социальными утопиями). Многие читатели, наверное, помнят начало последнего абзаца (его завершение приведено чуть выше) книги «О происхождении видов», в котором Дарвин описывает густо заросший берег, кипящий жизнью:

«Любопытно созерцать густо заросший берег, покрытый многочисленными, разнообразными растениями с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми, ползающими в сырой

земле червями, и думать, что все эти прекрасно построенные формы, столь отличающиеся одна от другой и так сложно одна от другой зависящие, были созданы благодаря законам, еще и теперь действующими вокруг нас»⁵⁵.

Это мироощущение не слишком далеко от мистического восприятия природы странником Макаром Долгоруким в «Подростке», хотя Достоевский, в присущей ему манере, сочетает это с бытовыми, разговорными ссылками на мир Божий, создавая несколько пластов значения: «Красота везде неизреченная! Тихо все, воздух легкий; травка растет — расти, травка Божия, птичка поет — пой, птичка Божия, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человечек, расти на счастье, младенчик! И вот точно я в первый раз тогда, в самой жизни моей, все сие в себе заключил <...> А что тайна, то оно тем даже и лучше; страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: “Все в тебе, Господи, и я сам в Тебе и прими меня!”» (13; 290).

Макар рассматривает все живое как органическое целое, находящееся в постоянном, непрерывном развитии. Это представление родственно вере в эволюционное создание Вселенной в соответствии с законами природы, продолжающимися и теперь действовать вокруг, с целью накопления, развития и передачи усовершенствований из поколения в поколение. Как отмечено в черновиках к «Подростку»: «Ничто не умирает, напротив, все продолжает жить органически, лишь перевоплощаясь в другие формы» (16; 257).

Дарвинизм в «Братьях Карамазовых»

В «Братьях Карамазовых» старец Зосима поучает любить все творение Божие, весь живой мир: «Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах <...> И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью. Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны...» (14; 289). Фактически все герои романа, переживавшие возрождение, испытывают его посредством слияния с природой и беско-

нечно развивающимся миром (начиная с Маркела и заканчивая Грушенькой). Таким образом, Достоевский неизменно встраивает несколько пластов значений в свой текст, используя прием межсмысловой структуры. Это позволяет ему учитывать научное представление, включающее последние открытия в области естественных и физических наук, в то же время сохраняя христианское измерение. Князь Мышкин в «Идиоте» и Алеша в «Братьях Карамазовых» воспринимают естественный мир через гармонию взаимных отношений между организмами, что совпадает с научным воззрением. Но Достоевский вплетает в повествование библейские мотивы, в результате чего Алешино ликование от чувства единения со Вселенной соотнесено с его духовным миром. Алеша чувствует, «как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”» (14; 328). Современная теологическая концепция Теистического развития созвучна с этим представлением о Вселенной.

Отдельные темы и образы двух последних романов Достоевского можно рассматривать как отклик, а некоторые как вызов теории Дарвина — в том виде, как она была представлена в статьях в «Гражданине». В соответствии с этой теорией, целесообразность есть результат накопления и взаимодействия случайных (определенных и неопределенных) изменений, обусловленных ростом и наследственностью. Дарвин, согласно «Гражданину», полагает, что «сила этой теории заключается именно в предположении *отсутствия законов*, в сведении явлений на игру случайностей»⁵⁶. Достоевский как бы использует дарвинистскую терминологию, когда он создает новое понятие «случайное семейство», семейство, созданное посредством случайных изменений, со значительными и неожиданными уклонениями, — понятие, которое разъясняется в конце романа «Подросток», но не в дарвинистских терминах.

Аркадий в «Подростке» — плод «случайного семейства», как и четыре отпрыска Федора Карамазова — результат взаимодействия случайных факторов. Эти четыре сына рождаются у трех разных матерей: первая жена Карамазова Аделаида — мать Дмитрия, вторая его жена София — мать Ивана и Алеши, в то время как Смердяков, незаконный сын, рождается у слабоумной Лизаветы Смердящей. Все сыновья унаследовали от обоих родителей определенные физические и умственные черты, среди которых доминирует карамазовская сила их отца. Они показаны как бы на разных сту-

пенях развития, или эволюционной лестницы, в процессе исканий, столкновений и испытания «живой жизнью», ведущей к развитию их человеческих достоинств и возрождению — или к их поражению. С одной стороны, сюжет романа иллюстрирует теорию Дарвина, как она объяснена в «Гражданине», а именно: что наследственность и изменяемость не следуют никаким законам, а развиваются спонтанно по всем направлениям, ведущим, посредством развития или эволюции, к возникновению правильности и целесообразности. Но с другой стороны, Достоевский это относит к действию Бога.

Случайность и случай присутствуют в «Братьях Карамазовых» на многих уровнях (даже формально: «случай» и однокоренные слова встречаются в произведении 271 раз). Алеша, хотя и является сыном погибшей «кликуши» Софии, страдавшей страшными истерическими припадками, предназначен противостоять теории борьбы за существование и выжить вопреки всему, как внушает читателю повествователь с самого начала. Алеша «статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток» (14; 24) и «будущий герой» (14; 17) романа. Несмотря на его чувствительность, благочестие и «стыдливость» (мальчики его дразнили «девчонкой», и он легко краснеет; кстати у Дарвина целая глава посвящена способности краснеть как одному из признаков человечности)⁵⁷, Алеша физически силен («карамазовская сила») и сексуально привлекателен. Это подтверждается Ракитиным, который злорадно насмехается над ним: «Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне — стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. По отцу **сладоглотник, по матери юридивый**» (14; 74). Алеша способен ужиться и соединиться со всеми членами семейства, общины, племени и чувствует себя частицей мира. Если бы осуществилось применение дарвинизма в сфере практического законодательства, как оно было интерпретировано Победоносцевым в «Гражданине», Алеша, возможно, не был бы и зачат. С другой стороны, наличие законодательства не предотвратило бы рождение Смердякова вне брака у слабоумной Лизаветы и его «случайное» усыновление Григорием.

Дмитрию тоже суждено выжить, благодаря его способности инстинктивно приспособляться к случайностям, неизбежно встречающимся на пути, если жить «чрезвычайно тревожной и “кутящей” жизнью» (14; 63), наполненной душевным мытарством.

Он мог бы пасть духом, предаваясь бесполезным грезам о том, какой прекрасной стала бы его жизнь, если бы он получил полагающееся ему наследство, а не был ложно обвинен в убийстве отца. Превратности судьбы (даже прокурор обращает внимание на роковое значение «случая») помогают ему осознать, что он неправильно жил. Проявив силу духа и самосознания, он приобретает точку опоры, которая позволяет ему преодолеть цепь случайных событий и стать зодчим своего будущего по собственному замыслу. Сидя в остроге и предвидя каторжные работы на рудниках, Дмитрий уже строит планы о побеге в Америку, характеризующие его жизнеспособность. Инстинктивность и интуитивность Дмитрия (согласно Дарвину), очевидно, помогают ему разрешать разные жизненные ситуации.

Иван, напротив, не допускает и не принимает случайностей, так как он, по существу, — эмпирик и делает выводы индуктивно, на основании очевидного и анализа фактов. Для него неприемлемы априоризм и гипотезы, которые он подвергает проверке. Он ищет доказательств методом индукции и выводов от частного к общему, отказываясь от Божьего мира, допускающего страдание детей: «Я, видишь ли, любитель и собиратель некоторых фактиков» (14; 218); «Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту, а я решил оставаться при факте...» (14; 222). В монологе о «возвращении билета» он с жестокой иронией сравнивает христианское спасение с провалившейся сделкой. Дмитрий же твердо уверен, что жизнь еще преподнесет ему счастливый билет, и будет в его жизни «восторг».

Соперничество между отцом и сыном за обладание женщиной в двух последних романах и соперничество между самими братьями Карамазовыми, в которое вовлечен даже Алеша, родственно дарвинистской теории «полового подбора», согласно которой соперничество, свойственное самцам на пути к овладению самками, необходимо для выживания (с целью оставить потомство).

Дмитрий воспринимает свою «борьбу» с родным отцом за Грушеньку как «безобразие и ужас», в дарвинистских терминах (14; 329). Борьба за выживание и соперничество между ними начинается в 1-й части. Иван, который изучал естественные науки, проклиная вражду между отцом и братом Дмитрием: «Один гад съест другую гадину» (14; 129). Через призму мировоззрения Ивана Достоевский

скрыто ссылается на критика «Отечественных записок» Н.К. Михайловского, который заимствовал термины и понятия Дарвина, искажая их и превращая его учение в социальный дарвинизм⁵⁸. Для Михайловского дарвинизм предстает «войной всех против всех» (*bella omnia contra omnes*) в природе, согласно теории английского философа Томаса Гоббса об устройении человеческого общества. Но сам Дарвин предупреждал, что борьбу за существование не следует понимать как примитивную драку.

Позже Алеша вспоминает слова Ивана и понимает, что с тех пор, как Иван узнал Катерину Ивановну, «соперничество» и антагонизм между старшими братьями стали камнем преткновения, «от которого слишком много зависит», порождая новые причины для вражды и ненависти (14; 170). Дмитрий тоже признает: «Из всех я самый подлый гад», когда обращается к присутствующим в момент ареста и обвиняет всех в жестокости: «Все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей...» (14; 458). Метафора гада, рептилии может быть соотнесена с ранней разновидностью живого, предшествовавшей млекопитающим, от которых развился человек, но может быть также коррелирована с Левиафаном Ветхого Завета, неопределенным существом — морским или земным, или даже драконом. В работе Дарвина «Происхождение человека» рептилиям приписаны «некоторое рассуждение и сильные страсти». В конце Иван идентифицирует и Смердякова с «гадом» (15; 59), а после своих показаний в суде повторяет фразу «один гад съест другую гадину» и обвиняет всю аудиторию, то есть целое общество в том, что все желают смерти отца, требуя «хлеба и зрелищ!» (15; 117). Применение этой метафоры к целому обществу с его материальностью («хлеб») охватывает широкий диапазон значений и намеков, включая «Левиафана» Гоббса (уже упомянутого Михайловским).

Дарвинистская тема намечается уже в раннем эпизоде романа, когда слуга Григорий именуется своего новорожденного сына «драконом», потому что тот родился шестипалым. Григорий чувствует, что это — «смещение природы», как помесь пород (14; 88). Миры человека и животного переплетаются, поскольку Иван связывает злодеяния, причиненные невинным, беззащитным детям, с избивением, нанесенным слабосильной, беззащитной лошаденке: «по плачущим, по “кротким глазам”» (14; 219). Но Иван возмущен тем, что люди говорят о зверской жестокости человека: «Но это страш-

но несправедливо и обидно для зверей», так как «зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это и умеет» (14; 217). Жестокие действия генерала, который затравил маленького мальчика («всего восьми лет») на глазах у матери, «и псы растерзали ребенка в клочки!» (14; 221), преломляются в поступке Илюши, когда он бросает кусок хлеба с воткнутой булавкой дворовой мохнатой собаке Жучке (14; 480). Любопытно, что изображение Жучки и Перезвона совпадает с описанием поведения и выражения ощущений у собак во второй главе монографии Дарвина «О выражении ощущений у человека и животных» (имевшейся в библиотеке Достоевского). Замена Жучки крошечным меделянским щенком (меделянская порода собак также обсуждается Дарвиным), который вырастет и превратится в громадного пса, как у самого генерала (у генерала были борзые. — *ред.*), повторяет главную тему изменения и преобразования. Это может служить иллюстрацией дарвинистской теории эволюции, демонстрируя, что нет ничего постоянного или неподвижного, никаких неизменных сущностей, и все подвергается изменению. Но эта тема также взывает к библейским аллюзиям, на что указывает эпитафия из Евангелия от Иоанна, и отражает события из Книги Бытия.

Существенный дарвинистский символ — насекомое фаланга (в английском тексте названное «пауком»), с которым идентифицируется страстная сексуальная природа «горячего сердца» Мити Карамазова (14; 105). Фаланга привносит многочисленные биологические коннотации, связанные с сексуальностью и воинственностью. Это перекликается с «Происхождением человека и подбором по отношению к полу» Дарвина, где две главы посвящены половым особенностям насекомых, включая жестокие конфликты между самцами ракообразных пауков. Некоторые критики, в том числе религиозный философ протоиерей о. Василий Зеньковский (1881—1962), считают, что пол или Эрос являются центральной темой «Братьев Карамазовых» (хотя Дарвина не упоминают), поскольку каждый Карамазов так или иначе попадает в плен Эроса⁵⁹. Возведение Эроса на пьедестал замаскировано «викторианским эвфемизмом» «карамазовская сила» Федора Павловича. Сила эта проявляется в «исповеди горячего сердца» Мити, в одержимости Ивана и в твердой вере Алеши⁶⁰.

Все эти мотивы символически присутствуют уже в третьей главе книги третьей романа, в которой Митя цитирует стихотворение Шиллера «Элевзинский праздник» (стансы 2, 3 и 6). В нем изображается первобытный человек: «Робок, наг и дик скрывался / Троглодит в пещерах скал» (14; 98), — один из важных мотивов романа, напоминающий о примитивном наследии человека, в котором совмещается самое низкое с высоким (14; 100). Любопытна, хотя возможно и случайна, аналогия здесь с латинским значением термина *Pan troglodytes*, что означает род обыкновенного шимпанзе, человекообразной обезьяны, согласно Йохану Фридриху Блуменбаху, который перевел это латинское название в 1779 году⁶¹. Возможно, что такое значение термина могло быть известно Достоевскому, который изучал латинский язык много лет, в том числе в Инженерном училище.

Еще несколько образов, появляющихся в цитатах из «Элевзинского праздника» и стихотворения Шиллера «Гимн к радости», предвосхищают доминирующие лейтмотивы «Братьев Карамазовых». «Лишь дымятся тел остатки / На кровавых алтарях» вводит лейтмотив крови, который действует и на биологическом, и на библейском уровне (согласно Конкордансу Достоевского, слово «кровь» и производные от него упоминаются в романе 122 раза). «Гимн к радости» (стансы 3 и 4) вводит главные символические лейтмотивы «природы», «радости» и «насекомого» (14; 99). Произведенное мною сопоставление Шиллера и Дарвина не так уж необычно, поскольку профессор Роберт Ричардс продемонстрировал, что представление Дарвина о природе сформировалось во многих отношениях под влиянием романтизма, как и у Достоевского, и что «романтическое мироощущение обусловило изображение Дарвиным природы как органической целостности, в противовес механической; как единство Бога и природы или, по крайней мере, одухотворение мира живой и неживой материи прикосновением души покинувшего брэнную Землю божества»⁶². Ричардс описывает, как романтические идеалы приводят Дарвина к тому, чтобы наделить человека нравственным сознанием и совестью, которая не позволяет эгоистически думать только о себе, но заставляет тревожиться о благополучии окружающих.

В рамках данной статьи невозможно учесть все аллюзии в тексте романа на дарвинизм и биологическое измерение его, как например, в главе «Тлетворный дух», в размышлениях Алеши после

его ухода из монастыря (14; 307) и последующем духовном обновлении. Учитывая спор вокруг дарвинизма, современному читателю невозможно не истолковать отрывок из речи черта в русле преследования дарвинизма: «У нас там все теперь помутились, и все от ваших наук. <...> Вот как узнали у нас, что вы там открыли у себя “химическую молекулу”, да “протоплазму”, да черт знает что еще, — так у нас и поджали хвосты. Просто сумбур начался; главное — суеверие, сплетни; <...> а наконец и доносы, у нас ведь тоже есть такое одно отделение, где принимают известные “сведения”» (15; 78).

Так как для Достоевского-художника характерен прием полифонизма, неудивительно, что полотно жизни в «Братьях Карамазовых» выписано многопланово, в сочетании планов мифологического с научным, церковно-православного или библейского с биологическим. Человеческая жизнь изображена в романе в сочетании религиозного начала с многочисленными упоминаниями биологических фактов.

По признанию Достоевского, замысел «Братьев Карамазовых» был выдержан в духе Православия, однако органический, дарвинистский и гуманистический взгляд на творение, просвечивающий через ткань повествования и оттеняющий религиозные вплетения, заставил некоторых критиков подвергнуть сомнению истинные намерения автора. Современники Достоевского, например, К.Н. Леонтьев, обратили внимание на то, что он выражает, согласно европейской традиции, «надежды на земную любовь и на мир земной». Его «мысль оказывается <...> вполне европейскою по идеям и даже по происхождению своему»⁶³. В «Братьях Карамазовых» учение «земного эвдемонизма с христианским оттенком»; но гуманность новоевропейская и гуманность христианская являются антитезами; первая «может вести к тому сухому и самоуверенному утилитаризму, к тому эпидемическому умопомешательству, <...> которое можно психиатрически назвать *mania democratica progressiva*»⁶⁴.

Некоторые зарубежные критики соглашались с такой оценкой. Мальколм Джоунс осуждает Достоевского за туманное отношение к Богу и «утверждение наивысшего религиозного экстаза посредством доводов, которые в лучшем случае кажутся поверхностными с христианской точки зрения»⁶⁵. Архиепископ Роуэн Виллиамс пишет, что Достоевский, несмотря на заявленную догматичес-

кую приверженность его религиозным убеждениям, «представляет мир, в котором *ни* характерные православные, *ни* даже характерные христианские понятия четко не определены»⁶⁶.

*Знакомство Достоевского с сочинениями Дарвина:
наука и религия*

Знакомство Достоевского с открытиями Дарвина в начале 1860-х годов состоялось, видимо, посредством французского перевода «О происхождении видов», так как перевод на русский язык появился только в 1864. Но уже в 1862 огромное значение учения Дарвина об эволюции и естественном подборе было признано в журнале «Время» братьев Достоевских, где оно было описано как «большой переворот» в естественных науках, победа исторического и эволюционного представления о природе над метафизическим⁶⁷. Наряду с этим было высказано предостережение против его применения к историческим и социальным явлениям, поскольку французская переводчица К.-А. Роуэр спекулировала элементами учения Дарвина, чтобы оправдать различные несправедливости и эксплуатацию в обществе. Вопреки утверждениям большинства критиков, которые заявляют, что Достоевский не принял дарвинизм, писатель был против не самой теории Дарвина, а ее интерпретации в терминах того, что теперь рассматривается как «социальный дарвинизм» и евгеника. К.-А. Роуэр отрицала нравственные понятия самопожертвования, христианского милосердия и защиты слабого как противоречащие естественному подбору.

Однако, несмотря на критику построений Роуэр, обзор в журнале «Время» был очень благосклонен к открытиям Дарвина (за исключением заключительной части обзора)⁶⁸. В основном тексте обзора Страхов приветствует исследование Дарвина как радикально изменившее самые существенные верования относительно организмов: «Все, что считали установленным, устойчивым и неизменным, внезапно начало перемещаться». Дарвин опроверг постоянство разновидностей и накопил огромное количество фактов, которые доказывают их изменчивость: «Постепенно проникает всюду убеждение, что все изменяется и что постоянны не сущности, а *законы их изменений*. Вера в прогресс, в развитие, в усовершенствование заступила место веры в неизменные сущности и вечные ис-

тины. Последний успех этого взгляда, последнюю его победу мы видим в книге Дарвина. Эта книга опровергает так называемое *постоянство видов*, догмат, который упорно защищали до сих пор все *признанные* натуралисты. Они думали, что каждый вид животных и растений явился первоначально со всеми своими нынешними свойствами; что при размножении происходит только повторение таких форм, которые размножаются, и, следовательно, самые формы остаются неизменными. Каждое растение, каждое животное производит *себе подобных* и, следовательно, виды не происходят, но существуют искони»⁶⁹.

Обзор даже содержит длинную цитату из введения Дарвина к «Происхождению», которое подводит итог некоторым из его открытий: идет «борьба за существование между всеми органическими существами во всем мире, которая неизбежно вытекает из геометрической прогрессии роста их численности. Это — доктрина Мальтуса, распространенная на оба царства — животных и растений. Так как особей каждого вида рождается гораздо больше, чем может выжить, и так как, следовательно, часто возникает борьба за существование, то из этого вытекает, что всякое существо, которое в сложных и нередко меняющихся условиях его жизни хотя незначительно варьирует в выгодном для него направлении, будет иметь больше шансов выжить и таким образом подвергнется *естественному отбору*. В силу строгого принципа наследственности отобранная разновидность будет склонна размножаться в своей новой и модифицированной форме».

Достоевский, кажется, принимает новое представление о Вселенной как совокупности бесконечных, непрерывных изменений, постоянного движения и развития, где все неустойчиво и находится в процессе «текущего», а не статичного, не конечного и «неподвижного», пытаюсь изобразить эту «текущую жизнь» в рамках принятых религиозных норм.

Кроме Дарвина, Достоевский, вероятно, читал произведения Альфреда Уоллиса, Дж. Тинделя и Томаса Гексли. Монография последнего «О месте человека в природе», переведенная в 1863 г., нашла отражение в «Записках из подполья» (1864), где антигерой отзывается иронически об эволюции, основанной на незыблемых законах природы, которые демонстрируют, что человек произошел от обезьяны (Т. Гексли писал об этом⁷⁰). Некоторые критики по ошибке посчитали это намеком на Дарвина, но Дарвин обсуждал

человеческое развитие непосредственно только в 1871 в монографии «Происхождение человека». Критики также ошибочно утверждают, что принятие теорий Дарвина отрицательными персонажами в произведениях Достоевского означает, что писатель не согласен с ними⁷¹. Но Достоевский часто использует отрицательных персонажей, чтобы с их помощью выразить некоторые мнения, с которыми он соглашался, и в свою очередь восхищается авторами, которые делали то же самое⁷².

Появление рецензии в журнале «Время» в 1862 году подало некоторым русским критикам повод насторожиться по поводу того, что впоследствии именовалось социальным дарвинизмом⁷³, особенно поощрения Дарвиным соперничества внутри видов. Русские критики идентифицировали это с наличием в учении Дарвина элементов мальтузианства и его концепции прогресса через внутривидовую конкурентную борьбу⁷⁴. Вместо такой трактовки они предпочли бы объяснять изменение и адаптацию разновидностей через сотрудничество и взаимную помощь, а не противостояние⁷⁵.

Очевидно, Достоевский следил за последующими открытиями Дарвина в области эволюции и растительной физиологии. Это подтверждается тем, что он прочел, вероятно, в сентябрьском номере «Русского вестника» за 1868 г. статью о «съезде британских естествоиспытателей»⁷⁶, в которой обсуждались, среди других тем, последние публикации Дарвина⁷⁷. Главная часть статьи посвящена речи председателя Британского общества содействия наукам (the British Association for the Advancement of Science) ботаника Джозефа Гукера (друга Дарвина). Гукер приветствует некоторые из открытий Дарвина, особенно в области растительной физиологии, но принимает отдельные теории Дарвина, например, пангенезис, как гипотезу. Гукер останавливается на последних трудах Дарвина, включая «Приспособления орхидей к оплодотворению посредством насекомых», а также на статьях в журнале Лондонского Линнеевского общества (Journal of Linnean society) о двух известных видах скороспелки, и особенно «Свойства и движения вьющихся растений», и двух томах недавно изданных Дарвиным наблюдений и опытов «О прирученных животных и возделанных растениях». Гукер объясняет, что в последнем труде Дарвина излагает свою новую теорию пангенезиса, которая едва ли не включает в себе разумное объяснение всех явлений воспроизведения и наследственности (это же самое произведение было упомянуто Страховым в

«Гражданине»). Согласно предположению Дарвина, в теории пангенезиса геммулы являются гипотетическими единицами (клетками) наследственности, которые, двигаясь с током крови, собираются в половых элементах и обеспечивают передачу информации. Также можно предположить, что источником известного изречения Достоевского о том, что «на западе Дарвинова теория — гениальная гипотеза, а у нас давно уже аксиома» (23; 8), является этот же отчет из «Русского вестника».

Далее в «Русском вестнике» развивается мысль о необходимости взаимного примирения и согласования религии и науки, при котором религия и наука могут идти «рука в руку», отмечая как взаимные достижения, так и недостатки: «Много было говорено и писано об отношении религии к науке. <...> Пусть каждый отыскивает истину в своей области: археолог в физическом, религиозный учитель в нравственном мире. Напрасно стали бы они удаляться друг от друга, смотреть друг на друга в уменьшительное стекло. Потребность узнать, откуда и куда идет наше существование, неискоренимо присуще человеческому уму. Чтоб удовлетворить этой потребности, человек во все времена и во всех странах исповедовал верования, обнимающие историю его прошедшего и будущего, и с жадностью принимал научные истины, подтверждающие эти верования. Я убежден, что без этой неискоренимой потребности ни религия, ни наука не получили бы такой власти над умами народов. Наука в этом искании никогда не препятствовала религиозным стремлениям добрых и ревностных людей, и предостережения проповедников никогда не в силах были отклонить пытливые умы от откровений науки»⁷⁸.

Выводы Гукера получили подкрепление в речи профессора Тинделя, который показал, что научные предположения нуждаются в проверке и подтверждении. Наглядно демонстрируя воспроизведение форм на примере кристаллов и затем на примере живого пшеничного зерна, он заключает, что у науки нет ответов на некоторые вопросы.

«Но если материалист теряется, а наука молчит, кто же ответит? Кому открыта тайна? Приклоним головы и признаем все до единого свое неведение. Может быть, эта тайна когда-нибудь разрешится <...> Придет, может быть, время, когда эта область, лежащая за пределами нашей науки, сделается доступною земным, если и не человеческим существам»⁷⁹.

Отношение Достоевского к современной науке было похоже в общих чертах на воззрения, оглашенные на съезде британских есте-

ствоиспытателей Гукером и Тинделем. В своих высказываниях о науке Достоевский часто подчеркивал ее недостатки, отдельные из которых, как он полагал, со временем будут преодолены, когда будут открыты новые законы, еще неизвестные людям: «Вы, конечно, понимаете, — писал он в 1876 г., — что наука человеческая еще в младенчестве, почти только что начинает дело и если есть за ней что-либо обеспеченное, так это покамест лишь то, что она твердо стала на ноги; и вот вдруг посыпался бы ряд открытий вроде таких, что солнце стоит, а земля вокруг него обращается (потому что наверно есть еще много таких же точно, по размерам, открытий, которые теперь еще не открыты, да и не снятся мудрецам нашим)» (22; 33). По отношению к «науке <...> Европа справедливо может гордиться перед нашим отечеством» (22; 110). Достоевский объясняет, что «мы-то сами, то есть верхние слои культурных людей в России, еще не очень блистаем наукой, несмотря на двухсотлетнюю школу <...> поклоняться нам, культурному слою, за науку во всяком случае еще рано» (22; 110).

Как бы в противовес этому Достоевский часто первым из русских авторов откликался на последние европейские научные и социальные теории и включал их в ткань своих произведений. Он наверняка читал сообщения в прессе о дебатах, вызванных теориями Дарвина в Англии, включая их противоречивую оценку Англиканской церковью, хотя некоторые либеральные священнослужители приветствовали «естественный подбор» как инструмент в руках Бога. Дарвин включил некоторые ответы на религиозные возражения во второе и последующие издания книги «О происхождении видов».

В своих произведениях Достоевский одновременно и признает дарвинизм, и полемизирует с ним. В пяти главных романах писателя существует баланс между современной научной мыслью, которая вплетается в текст, и религиозным и этическим содержанием, выраженным в авторской оценке. Следуя примеру дискурса «английскости» в британской научной, литературной и общественной традиции (которую Достоевский охарактеризовал как «*entrée et sortie libres*» (свободный вход и выход) (22; 94), Достоевский сочетает науку и религию, как ее сочетали английские романисты и естествоиспытатели, включая Дарвина. Соблюдая требования цензуры того времени, он включает аллюзии на Дарвина в рамки дозволенного. Но воздействие упомянутой выше английской традиции, которую Достоевский воспринял и по-своему трансформировал и превзошел, просвечивает в ткани его произведений.

Примечания

¹ Цитата из 2-го и последующих изданий книги «О происхождении видов». При жизни Дарвина она выдержала шесть изданий: в 1859, 1860, 1861, 1866, 1869, 1872 гг.

² **Страхов Н.Н.** О происхождении видов, сочинение *Чарльса Дарвина*. Перевел с английского *С.А. Рачинский*. Издание третье, исправленное. Москва. 1873. Zum Streit Über den Darwinismus von *K.E. von-Baer* (aus der «Augsburger Allgemeinen Zeitung»). Dorpat. 1873 (*К спору о дарвинизме*. К.Э. Бэра [из «Всеобщей Аугсбургской газеты»]. Дерпт. 1873) // Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 809—812.

³ Русские листки из-за границы. IX. Новая вера и новые браки // Гражданин. — 1873. — № 39. — С. 1047—1050.

⁴ Имя Дарвина упоминается в следующих номерах «Гражданина»: 1873. — №№ 18, 21, 26, 29, 39, 41, 43, 46, 47, 49, 50, 51; 1874. — №№ 1, 7, 9, 13—14.

⁵ **Оксман Ю.Г.** Ф.М. Достоевский в редакции «Гражданина» (По неизданным материалам) // Творчество Достоевского. 1821—1881—1921. — Одесса, 1921; **Отливанчик А.В.** К цензурной истории еженедельника «Гражданин» // Достоевский и современность. Материалы XIX Международных Достоевских чтений. — Великий Новгород, 2005. — С. 165—170.

⁶ **Толстой А.К.** Полное собрание сочинений гр. А.К. Толстого. — СПб.: Издание А.Ф. Маркса. 1907. — Т. I. — С. 498—500. В «Послании к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» были следующие строки: «Правда ль это, что я слышу? / Молвят овамо и семо: / Огорчает очень Мишу / Будто Дарвина система. / Если ж ты допустишь здраво, / Что вольны в науке мненья, / Твой контроль с какого права, / Был ли ты при сотвореньи? / И еще тебе одно я / Здесь прибавлю, многочтимый, / Не китайскою стеною / От людей отделены мы. / С Ломоносовым наука, / Положив у нас зачаток, / Проникает к нам без стука / Мимо всех твоих рогаток. / Брось же, Миша, устрашенья: / У науки нрав не робкой, / Не заткнешь ее теченья / Ты своей дрянною пробкой».

⁷ **Жирков Г.В.** История цензуры в России XIX—XX вв. — М., 2001. См. главу «Деятельность цензоров-просветителей».

⁸ Там же.

⁹ Комитет цензуры иностранной в Петербурге 1828—1917. Документы и материалы. — СПб., 2006. — С. 117.

¹⁰ Тютчев, учитывая возможные препятствия со стороны духовной цензуры, отмечает, что автор (Дарвин), хотя и доказывает происхождение человека различно от того, как это значит в книгах Ветхого Завета, но, идя строго научным путем, не касается книг Священного Писания и не опровергает их, а, напротив, относится с уважением к «облагораживающей вере» в существование Всемогущего Бога; а также то, что «наша духовная цензура пропускала к обращению в публике сочинения геологические, в которых на основании веками рождающихся формаций также доказывалось происхождение человека различно от библейского указания».

¹¹ **Zohrab I.** Dostoevskii and British Social Philosophers // Dostoevskii and Britain. Ed. W. Leatherbarrow. — Oxford/Providence, 1995. — P. 177—206.

¹² Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 810.

¹³ Дневник писателя. XVI. Одна из современных фальшей // Гражданин. — 1873. — № 50. — С. 1349—1353, 1352.

¹⁴ Это, очевидно, намек на профессора И. Сеченова, переводчика Дарвина, которому выдавалась цензурным комитетом вторая часть «Происхождения человека», присланная из Англии по страницам в ходе набора к печатанию лондонским издателем Дарвина.

¹⁵ Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 810.

¹⁶ **Richards R.J.** Cambridge Companion to Darwin's Origin of Species / Edited with Michael Ruse. — Cambridge, 2008.

¹⁷ **Дарвин Ч.** Происхождение человека и половой подбор / Пер. проф. И. Сеченова. С приложением 27 таблиц и рисунков. — 2-е изд. — Издание О.Н. Поповой. — СПб.: Типография И.Н. Скороходова (Надеждинская, 48). 1896. Введение.

¹⁸ Запрещенные сочинения Геккеля: Естественная история миротворения. — СПб. 1872 (2 издания: Герда, 1873 и Брандта, 1879); История племенного развития организмов: Мировые загадки. Популярный очерк монистической философии. См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: *Цензурные взыскания и История цензуры в России XIX—XX вв.*

¹⁹ **Eiseley L.** Darwin's Century. — NY., 1961. — P. 191. Идеи Уоллиса о естественном подборе, «о стремлении разновидностей к бесконечному отклонению от первоначального типа», изложенные в особой записке, были доставлены им для обнародования издателю Лайелю еще в 1858 г. Это обстоятельство, как известно, и побудило Дарвина поспешить с напечатанием своей теории, набросанной им вчерне еще в 1844 г.

²⁰ **Ruse M.** Darwin and Design. Does Evolution Have a Purpose? — Cambridge, MA. & London, 2003. — P. 274. Например, Докинз пишет, что разумный замысел (создателя или дизайнера) является недостаточно аргументированным объяснением, так как придется также объяснить, кто сотворил создателя, и так далее, а там опять та же эволюция: «Если внимательно посмотреть на детали в молекулярной биологии и биохимии, можно обнаружить некоторые признаки дизайна (т.е. замысла)».

²¹ Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 810.

²² Там же. — С. 811.

²³ Там же. — С. 811.

²⁴ Там же. — С. 811.

²⁵ **Уильям Палей** (1743—1805) в своей книге «Натуральная теология» (1802) изобрел метафору часовщика. Палей сравнил создание живого организма с созданием часового механизма, а Творца — с часовщиком. Согласно этой идее, все живое и неживое появилось в результате творения, выполненного по замыслу Дизайнера.

²⁶ См. **Ruse M.** Darwin and Design. Does Evolution Have a Purpose? — P. 278.

²⁷ Дарвин оценил выводы Бэра, так как они свидетельствовали об эволюционном процессе в животном мире. В числе ученых Дарвин упомянул Бэра в «О происхождении видов»: «Бэр, пользующийся таким уважением зоологов, выразил свое убеждение, основанное, главным образом, на законах географического распространения, что формы, теперь совершенно различные, происходят от общих родителей».

²⁸ Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 811.

²⁹ Там же. — С. 812.

³⁰ Там же. — С. 812.

³¹ Книга **Д. Штраусса** «Der alte mid der neue Glaube. Ein Bekenntniss» вышла в свет в 1872 г. в Лейпциге и была отрецензирована Страховым в «Гражданине», в №№ 39—41 за 1873 г. В ней четыре главы под названиями: «Христиане ли мы еще?», «Имеем ли мы еще религию?», «Как понимаем мы мир?», «Как устраиваем мы нашу жизнь?».

³² Комитет цензуры иностранной в Петербурге 1828—1917. Документы и материалы. — СПб., 2006. — С. 147.

³³ Русские листки из-за границы. IX. Новая вера и новые браки // Гражданин. — 1873. — № 39. — С. 1047—1049; 1048.

³⁴ Там же. — С. 1048.

³⁵ Там же. — С. 1048—1049.

³⁶ См. также: 15; 32, 67.

³⁷ Согласно **М.М. Бахтину**, особенность художественного восприятия мира Достоевским «проявилась в эсхатологизме Достоевского — политическом и религиозном, в его тенденции приближать “концы”, нащупывать их уже в настоящем, угадывать будущее, как уже наличное в борьбе сосуществующих сил» (Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979. — С. 35—36).

³⁸ Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 1049.

³⁹ Аллюзии на дарвинизм в «Преступлении и наказании» хорошо известны и не будут мною обсуждаться в данной статье.

⁴⁰ Русские листки из-за границы. IX. Новая вера и новые браки // Гражданин. — 1873. — № 39 — С. 1049—1050.

⁴¹ Там же. — С. 1049.

⁴² Там же. — С. 1049.

⁴³ **Darwin G.** On Beneficial Restrictions to Liberty of Marriage // The Contemporary Review. XXII. — 1873. — P. 412—426.

⁴⁴ Проведение на практике отбора или стерилизации пар для улучшения природных задатков человека.

⁴⁵ **Darwin F.** Memoir of Sir George Darwin, Scientific Papers by Sir George Howard Darwin. — Cambridge, 1916. — 5: IX—XXXIII; XV.

⁴⁶ **Буданова Н.Ф.** Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — С. 164—165.

⁴⁷ Сын Алексей умер от приступа эпилепсии в возрасте трех лет в 1878 г., а Любовь начала страдать приступами уже после смерти отца. См.: Из архива А.Г. Достоевской // Знамя. — 1996. — № 11. — С. 178—182.

⁴⁸ <http://macroevolution.narod.ru/darwinman/index.html> **Дарвин Ч.** Происхождение человека и подбор по отношению к полу / Перевод И. Сеченова, 1871. — 2-е изд. — СПб.: Типография И.Н. Скороходова (Надеждинская, 48), 1896. — Глава IV. Сравнение между умственными способностями человека и низших животных (Продолжение). — С. 43—66.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Дарвин ссылается на Евангелие от Луки, 6: 31 и от Матфея, 22: 39. См.: Charles Darwin's Notebooks, 1836—1844. Geology, Transmutation of Species, Metaphysical Enquiries / Edited by Paul H. Barrett et al. — University of Cambridge, 1987. — Notebook D 54e. — P. 350; Notebook M 150. — P. 558.

⁵² **Дарвин Ч.** Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Перевод с шестого издания (Лондон, 1872) / Ответ. ред. акад. А.Л. Тахтаджян. — СПб., Наука, 1991. — С. 416.

⁵³ Там же. — С. 418.

⁵⁴ Там же. — С. 419.

⁵⁵ Там же. — С. 419.

⁵⁶ Гражданин. — 1873. — № 29. — С. 811.

⁵⁷ **Дарвин Ч.** О выражении эмоций у человека и животных. Глава XIII: Повышенное внимание к себе, стыд, застенчивость, скромность, покраснение. Сущность покраснения — наиболее своеобразное и наиболее характерное для человека выражение (<http://www.blushing.ru/docs.php?id=57>).

⁵⁸ **Михайловский Н.** Теория Дарвина и общественная наука // Отечественные записки. — 1870. — №№ 1, 3; 1871. — № 1; // Дарвинизм и оперетки Оффенбаха // Отечественные записки. — 1871. — № 10; Заметки о дарвинизме // Отечественные записки. — 1871. — № 12. См. также «Записки Профана».

⁵⁹ О Достоевском. Сборник статей. II / Ред. Бем А.Л. — Прага. — 1933. — С. 96—97.

⁶⁰ **Terras V.** A Karamazov Companion. Commentary on the Genesis, Language and Style of Dostoevsky's Novel. — University of Wisconsin Press, 1981. — P. 119.

⁶¹ **Blumenbach J.F.** Handbuch der Naturgeschichte (Handbook of Natural History). — 1779. Pan troglodytes отнесены словарем к трем видам шимпанзе: Pan troglodytes verus, Pan troglodytes troglodytes и Pan troglodytes schweinfurthii. У Дарвина в «Происхождении человека» троглодит относится к породе птиц troglodytes vulgaris.

⁶² **Richards R.J.** The Romantic Conception of Life: Science and Philosophy in the Age of Goethe (Романтическое понятие жизни: наука и философия в век Гете). — Chicago: University of Chicago Press, 2002. — P. 516.

⁶³ См.: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов / Под ред. Ашимбаевой Н.Т. — Москва, 1990. — С. 9—31, 25.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ **Jones M.** Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. — London, 2005. — P. 23. См. также **Gibson A. B.** The Religion of Dostoevsky. — London, 1973.

⁶⁶ **Williams R.** Dostoevsky. Language, Faith and Fiction. — London, 2008. — P. 211.

⁶⁷ **Страхов Н.** Дурные признаки. *On the origin of species* by Ch. Darwin. 1859. *Charles Darwin, Über die Entstehung der Arten im Thier- und Pflanzenreich durch natürliche Züchtigung.* Vebers, und mit Anmerk. V. Dr. H.G. Bronn. Stutt., 1860. *De l'origine des espèces, ou des lois du progres chez les êtres organisés* par Ch. Darwin. Trad. Par Clémence-Aug. Royer, avec préf. et notes du traducteur. Paris, 1862 // *Время*. — 1862. — № 11. — С. 158—172.

⁶⁸ Впервые введено в научный оборот Г.М. Фридендером в монографии «Достоевский и мировая литература». — 2-е изд. — М., 1979. — С. 218—222; См. также: **Knapp L.** The Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics. — Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 1996. — P. 113—114; **Gerstein L.** Nikolai Strakhov. — Cambridge, MA., 1971. — P. 155.

⁶⁹ *Время*. — 1862. — № 11. — С. 164—168.

⁷⁰ Достоевский мог быть даже знаком с изображением на фронтисписе книги Гексли, где иллюстрируется процесс происхождения человека от обезьяны.

⁷¹ **Lewis R.E.** Darwin and Dostoevsky // *Melbourne Slavonic Studies*. — 1976. — № 11. — С. 23—32; 28.

⁷² Например, Достоевский ссылается на пьесу «Бригадир» Д. Фонвизина: «А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Ведь он ее не только круглой дурой, даже и дурной женщиной сделал» (5; 58).

⁷³ Статьи о русском переводе книги Дарвина (Ч. Дарвин. Происхождение видов, перевод С.А. Рачинского. — СПб., 1864) были написаны главным образом Д.И. Писаревым и В.А. Зайцевым и появились в журнале «Русское слово» в №№ 4, 5, 6, 7, 9, 12 за 1864 год.

⁷⁴ **Todes D.P.** Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. — New York/Oxford, 1989. — **Vucinich A.** Darwin in Russian Thought. — Berkeley, 1988.

⁷⁵ **Kropotkin P.** Mutual Aid: A Factor of Evolution — London, 1902; **Todes D.P.** Darwin without Malthus.

⁷⁶ Съезд британских естествоиспытателей // *Русский вестник*. — 1868. — № 9. — С. 337—359. Достоевский посоветовал своей любимой племяннице Софье Ивановой в письме от 26 октября / 7 ноября 1868 г. прочесть эту статью («прочтите <...> прочтите непременно») (28, II; 319).

⁷⁷ См. также: **Зохраб И.** Отношение Достоевского к британским «предводителям европейской мысли». (Статья вторая. Достоевский и Герберт Спенсер) // *Достоевский и мировая культура*. — № 19. — СПб., 2003. — С. 105—138.

⁷⁸ *Русский вестник*. — 1868. — № 9. — С. 351—352.

⁷⁹ Там же. — С. 359.